

Валерий ДАШКЕВИЧ

ПЕЧАЛЬНАЯ КУКЛА ЮЮ

Стихотворения

* * *

Боже мой, помоги человеку,
Посули мне чего за труды...
Я и трижды входил в эту реку
И сухим выходил из воды.

Не роптать, не противиться карме
Слишком долго учили меня.
Люди жар загребали руками,
Я ж каштаны таскал из огня.

Разгляди, как в тоске и смятенье,
Не привыкнув к веригам своим,
Я бреду в августовскую темень –
И толпой и рассудком судим.

Но, хоть козни судьба мне чинила,
Даже ныне, за шаг до конца,
Со светилом рифмую чернила,
Примеряя обет чернеца...

Проявляет сокрытые грани
Бытие, словно вскрытый курган.
И знакомая музыка ранит
И тиранит меня, как орган.

Возвращаются запахи детства.
Земляники, тайги грозовой...
Над собой, как над жертвою деспот,
Бесполезно трясую головой.

Прозвучи среди слов и словечек,
Отрезви этих снов самогон,
Разбуди меня, храп человеческий,
Отвлеки от себя самого.

* * *

В городе N беспаятно
вьётся багровый плющ.
Ищет наощупь прошлое,
а на пути – стена.
Так на коленях пьяница
шарит упавший ключ...
Сколько б не длились поиски –
Плоскость всегда одна.

В городе N безвыходно

станешь самым собой.
Я с фонарём и с компасом
в нём потеряться смог.
Здесь по пустынным улицам
дождь моросит слепой,
И утопают в зелени
стены его домов.

Плющ не сдаётся, тянется
мокрою пятерней...
Он архаичен в нынешнем,
как в алфавите – ять.
Часто стою и думаю,
взгляд подперев стеной, –
Если б не эти веточки,
камню – не устоять...

В городе N, непонятый,
всяк по колено вяз,
Не изменяя плоскости,
жизнь вспоминая вскользь.
Плющ проникает в комнату,
но не находит нас
И обвивает бережно
камня неровный скол.

Этот песок запёкшийся,
надписи на стене,
Выбоины и трещинки
помнят его листы...
Так я в ночи, испуганный,
шарю рукой во сне
И, задевая теплое,
верю, что это ты.

* * *

Взгляд её сводит волны семи морей,
Сводит с ума рыбаков и рыбацких жён...
Я ли не рвался к ней со всех якорей.
Я ль не нашёл её и теперь – сражён.

Лодка моя полна, тяжело весло.
Берег далёк, а даль – голуба, близка...
Помнишь ли ты вдали – как меня несло
Свет голубой вдохнуть у её виска.

Гонит течение в ночь, а её рука
Не отпускает, тянется за кормой.
Сколько тебе учить меня, дурака,
Ангел беспечный, ангел утопший мой...

* * *

Господи, что же творится...
Вдруг, посреди куража,

Память, как «завтрак туриста»,
Станет почти что свежа.

Брызнет смешливое солнце,
Камень прочертит круги,
Фыркнет и ввысь унесётся
Дутьиш из детской руки.

В небе высоком вольготно
Грянет полуденный гром.
В бантах и красных колготках
Ты пролетишь над двором.

Ну же, казни, возвращайся,
Первая детская боль...
Пахнувший псиной и счастьем
Старый кирзовый футбол,
Поджиг со спичечной серой,
Братский кивок пацанам...

Господи, как милосердно
Смертность дарована нам.

* * *

Умерла в руке синица,
Не приняв моих седин.
Дай мне, Боже, усомниться
В том, что я теперь один.

Всё твержу синицы имя,
Не могу забыть пока –
Пахли перья, словно иней
С материнского платка.

Сердце сохнет, как на гриле...
Кто мне даст теперь совет,
Кто в моей безумной гриве
Гнезда тёплые совьёт?

Стало слово мне постыло,
Как болячка на губе.
И в руке моей остылой
Воет ветер, как в трубе.

Ты не вой, не вейся, ветер...
Я решил себе в уме –
Если нет любви на свете,
Значит есть она во тьме.

* * *

Китайская кукла Юю
Живёт у меня в мезонине.
Всё горше, всё незаменимеей
Становится кукла Юю.

Запястья её в кружевах,
А плечи в багровом сатине.
А домик её в паутине,
Как будто Юю нежива...

Я грустные песни пою
Про жёлтые реки Китая.
Люблю, говорю, золотая...
Она уточняет – Юю.

Поправить причёску твою –
Скупа осторожная ласка...
Но держит стальная булавка
Атласное сердце Юю.

Я честные слёзы пролью,
Пронзён анатомией странной.
И, вынув занозу из раны,
Её заменю на свою.

Я веки сомкну над тобой,
В долину Янцзы улетаю.
И в сердце игла золотая
Растает – и станет судьбой.

Я стану пронзительно юн,
Освою долины наречье
И шёлком окутаю плечи
Своей ненаглядной Юю.

Но шёлк упадет с плеча.
И нитка, не выдержав, рвётся...
И кукольник хитро смеется,
Допив мандариновый чай.

Я снова очнусь на краю,
Зароюсь лицом в покрывало...
Мне снилось, меня целовала
Печальная кукла Юю.

Лилит

Брезгливо оттолкнувшись от газеты,
В пространстве между дверью и окном
Вздыхнул Набоков, ангелом задетый,
И выбрал дверь. И вышел. За вином.

Подравшись с одноразовым стаканом,
Под внутренний мотивчик «тру-ля-ля»
Его ботинки, словно тараканы,
Пошли шнырять, шнурками шевеля,

По парку, где настурции в накале
Светились в отведённых им местах,
Где продавец сосисок (ну, нахален!..)
Ему сказал – Amigo, como estas!

Где все пути в киоск ведут газетный,
Где, чуть сольются стрелки на часах,
В двенадцать скачет юная Козетта
С запутавшимся солнцем в волосах...

Где мокрый визг у гейзера-гидранта,
В толпе розовощёких поросят...
Придирчивому взгляду иммигранта
Простил бы Бог – читатели простят

За то, что, размотав словесный кокон,
И, бременем морали не томясь,
Сей пришлый тип своим неспешным оком
В Чистилище способен видеть грязь.

Вот он идёт. Муссоны странствий вянут –
Такая нынче скука и жара...
Колумб – тот был с мечом – и был обманут.
Что спрашивать с чинителя пера...

Из парка тень слагателя шагает
Под арку – огнедышащий камин,
Где солнце беспощадно выжигает
Афишной нимфы охру и кармин.

Он смотрит скушный фильм в кинотеатре –
Бездушном помещенье на сто душ,
Где пусто, как в кофейне на Монмартре,
Когда брюхат премьерой Мулен Руж.

И в миг, когда звучит с экрана «guilty»
И залп венчает правды торжество,
Он убивает бедного Куильти,
Придумав предварительно его...

Потом стоит у винного прилавка,
Качая кровь Спасителя в глазу,
Впиваясь искушённою булавкой
Зрочка в калифорнийскую лозу.

Какая влага взор его туманит,
Каких сомнений тяготит эскорт...
Но, завершив ревизию в кармане,
Он делает свой выбор. Это – Port.

Под колыханье влаги сладковатой
Дорожный Дант приятно утомит,
Вздохнёт отель с тоскою стокроватной,
И включит Бог подушечный магнит.

И в час, когда Адаму страха мало
Не возжелать, что небо не велит,
На эшафот, хрустящий от крахмала,
Взойдёт стопою узкою Лилит.